

Руслан Князев

Прямой эфир

Руслан Князев

Прямой эфир

«Автор»

2026

Князев Р.

Прямой эфир / Р. Князев — «Автор», 2026

«Прямой эфир» — не столько роман о социальных сетях, сколько притча о культуре тотального присутствия, в которой человек всё чаще существует не для себя, а для взгляда другого. В этом мире тишина становится формой сопротивления. Не пустотой, а последним пространством человеческой свободы - местом, где можно быть никем, не получать одобрения и всё же оставаться собой. Роман задаёт простой и страшный вопрос: если никто не видит твою жизнь - действительно ли она существует? И отвечает на него не словами, а самой судьбой Алисы: иногда, чтобы впервые начать жить, человеку необходимо исчезнуть из кадра.

© Князев Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Сезон 1. Рождение - 4,7 млн. просмотров	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Руслан Князев

Прямой эфир

Сезон 1. Рождение - 4,7 млн. просмотров

I

Алиса не помнит момента, когда камера появилась в первый раз. Потому что камера была всегда. Камера – это тот свет, который не выключается никогда, даже когда закрываешь глаза, потому что кто-то на том конце провода всё равно смотрит и пишет в чат: «Ой, как мило она спит! Посмотрите, она высунула язычок!»

Мама говорит, что первый эфир прошёл за сорок минут до того, как Алиса вылезла наружу.

– Врачи хотели отключить, – рассказывает мама в интервью для подкаста «Материнство 2.0», – Но я сказала: «нет!». Это исторический момент. Мои подписчики ждали этого девять месяцев. Они выбирали имя вместе со мной, они имеют право увидеть, как она появляется.

В комментариях к тому эфиру до сих пор можно найти запись, если знать, где искать. Мама не удаляет ничего. «Это наше общее наследие», – говорит она.

Алиса никогда не смотрела этот эфир целиком. Она пролистала первые пять минут в шестнадцать лет, когда случайно наткнулась на архив. Видео было зернистым, с дрожащей картинкой – в 2012 году камеры на телефонах были ещё не очень. Но лицо матери, искажённое схваткой, было видно отчётливо. И слышно было, как мама кричит не врачу, а в объектив:

– Ребята, это просто невероятно! Это боль, которую я никогда не смогла бы передать словами! Но вы её видите! Спасибо, что вы со мной!

Кто-то из комментаторов написал тогда: «Я сейчас плачу. Кажется, я рожая вместе с тобой». Другой: «Лучший контент года». Третий: «А когда она уже вылезет? Я опаздываю на работу».

Мама родила за тринадцать минут до того, как её заблокировали за нарушение правил сообщества. Врачи сказали, что это были самые странные роды в их практике. Не потому, что с камерой, а потому, что мама ни разу не взглянула на ребёнка, пока её не попросили сделать это для крупного плана.

– Обними дочку, – сказала медсестра.

– Сейчас, – ответила мама, поправляя волосы.

Камера зафиксировала, как она берёт красное сморщенное существо, прижимает к себе, улыбается и одновременно слёзы текут по щекам. Идеальный кадр, симметричный, эмоциональный.

«У меня мурашки по коже», – написал кто-то. «Она натуральная, вот что значит настоящая любовь», – добавил другой.

Никто не знал, что настоящая любовь кончилась ровно в ту секунду, когда погасла красная лампочка камеры.

II

Первый год жизни Алисы – это 847 видео. Мама вела ежедневный влог «Мама в деле», где показывала всё: кормление (даже когда Алиса плакала и не брала грудь, камера стояла на штативе в двадцати сантиметрах от её лица), пеленание (специально неумелое, чтобы подписчики писали «Поверни её на бок! Ты что делаешь!» – это повышало вовлечённость), купание (вода прозрачная, но всё равно миллион предупреждений от модераторов, и каждый раз мама спорит: «Это искусство, это материнство, вы ничего не понимаете»).

Первый шаг Алисы случился в десять месяцев. Мама этого не заметила. Она смотрела в монитор, отслеживая комментарии, когда Алиса встала, держась за край кровати, сделала три шага, упала и заплакала. Камера записала всё это, потому что работала автоматически. Мама подняла голову только когда комментаторы начали писать в чат: «Она пошла! Она пошла! Поздравляю!»

Мама повернулась к Алисе, улыбнулась той самой улыбкой – той, которая предназначалась для камеры, – и сказала:

– Ой, правда? А я и не заметила, зачиталась комментариями.

Она подняла Алису, поцеловала, показала в объектив, идеальный кадр. Через три минуты она уже монтировала нарезку, а Алиса сидела на полу и смотрела в стену.

В три года Алиса впервые сказала слово, которого никто не ждал. Она сидела на горшке, когда мама снимала очередной выпуск «Режим дня малыша: честное утро». Алиса посмотрела прямо в камеру – серьёзно, как взрослая – и сказала:

– Выключи.

Мама засмеялась.

– Что значит выключи? Это наша работа, солнышко. Скажи «привет» тёте Лене и дяде Серёже, они тебя любят.

Алиса повторила:

– Выключи, – и нажала маленькой мокрой ладошкой на объектив.

Зеркало отразило её грязный палец. Мама выключила запись, но только для того, чтобы протереть линзу. Через минуту камера снова работала. Комментаторы писали: «Какая характерная девочка! Вся в маму!» и «Мама, не выключай, мы переживаем за приучение к горшку».

В четыре года Алиса научилась отличать камеру, которая записывает, от камеры, которая просто стоит. Она подходила к стационарной камере в гостиной и заглядывала в объектив. Если горел красный свет – она замирала и улыбалась. Если не горел – отворачивалась и шла играть.

Мама заметила это и гордилась.

– Она профессиональный ребёнок, – говорила мама своим подругам-блогерам на закрытых вечеринках, где не было камер. – Она понимает разницу. Это невероятно. Некоторые мои коллеги до сих пор не научились.

В пять лет у Алисы появился первый личный гаджет – планшет, на котором были установлены только приложения для просмотра материнского канала. Алиса могла смотреть себя в записи. Она часто это делала. Она сидела, поджав ноги, и смотрела, как двухлетняя Алиса плачет, потому что не может собрать пирамидку. Трёхлетняя Алиса смеётся, когда мама щечкочет её. Четырёхлетняя Алиса засыпает под комментарии «какая сладкая, словно ангел».

Однажды Алиса спросила у матери:

– Кто эти люди?

– Подписчики, – ответила мама, не отрываясь от монтажа. – Наши друзья.

– У меня нет друзей, – сказала Алиса.

Мама подняла голову.

– Как это нет? У тебя двести тысяч друзей. Они пишут тебе каждый день.

– Они пишут тебе, – поправила Алиса.

– Мне и тебе, – мама улыбнулась. – Это одно и то же.

III

В школе Алисе не разрешили снимать. Тогда мама подала иск в суд. Дело было громким. Мама наняла адвоката по правам блогеров – это была серьёзная профессия, которая появилась в середине двадцатых. Адвокат объяснил директрисе, что запрет на видеосъёмку в школе нарушает право ребёнка на самовыражение и коммерческую реализацию талантов. Директриса – пожилая женщина с квадратной челюстью – ответила:

- Здесь дети учатся, а не снимаются.
- Они могут делать и то и другое, – сказал адвокат.
- Я не разрешу, – отрезала директриса.

Мама разместила в своём канале ролик: «Меня травят в школе за блог». За сутки – миллион просмотров. Комментаторы требовали наказать директрису, уволить, посадить. Кто-то нашёл её домашний адрес. Кто-то написал в прокуратуру. Кто-то приехал к школе с плакатом «Свободу детскому творчеству».

Директриса сдалась на третьей неделе.

– Пусть снимает, – сказала она матери по телефону. – Но я уйду. Пенсия уже два года как пришла. Спасибо, что помогли решиться.

Мама выложила видео: «Победа! Мы можем снимать уроки!». Алиса сидела за партой, улыбалась в камеру и не слушала учителя. Она слушала шум вентилятора охлаждения на штативе, который стоял рядом с её партой.

Другие дети сначала обрадовались. Им казалось, что это весело – быть в видео. Но через неделю они перестали замечать камеру. Через месяц – начали ненавидеть. Через два месяца родители троих учеников подали коллективную жалобу: их дети не давали согласия на съёмку, а лица были видны.

Мама выложила ролик: «Завистники хотят нас засудить». Алиса сидела на фоне и рисовала. Она рисовала дом, камеру и себя без лица.

В семь лет Алиса получила свою первую премию. «Детский блогер года» – статуэтка из оргстекла в виде смартфона. Церемония проходила в большом концертном зале. Мама вела прямой эфир с красной дорожки. Алиса шла рядом, держась за руку, шурясь от вспышек. Она была в розовом платье с бантом, которое мама выбрала после трёхчасового обсуждения в эфире.

– Посмотрите на неё, – шептала мама в камеру, пока они шли к сцене. – Моя девочка. Моё сердце. Моя самая большая инвестиция.

Алиса услышала последнюю фразу. Она тогда ещё не знала, что слово «инвестиция» звучит странно, когда речь идёт о дочери. Ей казалось, что это нормально. В её мире всё было инвестицией. Улыбка – инвестиция в лояльность аудитории. Слезы – инвестиция в драматический сюжет. Молчание – инвестиция в интригу.

Когда Алиса вышла на сцену, зал аплодировал. Ведущий – популярный тиктокер с татуировкой на лице – спросил:

– Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

Алиса взяла микрофон. Посмотрела в зал, на камеры, на маму, которая стояла за кулисами и показывала жестами: «Скажи, что блогером, скажи, что блогером».

– Я не знаю, – сказала Алиса.

Замолчала на три секунды. Комментаторы потом напишут, что эти три секунды были самыми искренними на всей церемонии.

– Наверное, я хочу быть собакой, – добавила Алиса.

Зал засмеялся. Ведущий похлопал её по плечу. Мама выдохнула и прошептала в свою камеру:

– Она такая смешная. Это не сценарий, это чистая импровизация. Дети – лучшие актёры.

Вечером Алиса нашла в мамином столе папку с надписью: «Доноры». Внутри были фотографии мужчин, их анкеты, результаты анализов, и у каждого стояла оценка – от одного до пяти баллов, и пометка: «одобрен фокус-группой».

– Что это? – спросила Алиса.

Мать выхватила папку, лицо её на секунду стало испуганным, а потом – деловым.

– Это твой отец. Вернее, те, кто им мог стать.

– А отец кто?

– Номер сорок семь – блондин, спортсмен. Подписчики выбрали его из ста кандидатов, голосование длилось три дня: 52% за него, 31% за брюнета из Питера, остальные – за программиста из Казани.

– Ты голосовала?

– Я не голосовала, – мать убрала папку обратно. – Я доверилась аудитории, они лучше знают, какой отец нам нужен.

В восемь лет Алиса поняла, что у неё нет воспоминаний. Это случилось на уроке литературы. Учительница дала сочинение на тему «Моё самое счастливое детское воспоминание». Алиса сидела и смотрела в окно. Одноклассники писали про поездки на море, про подаренных щенков, про то, как катались с горки с папой. Алиса пыталась вспомнить что-то, что не было бы отснято.

Поездка на море? Есть видео. Мама назвала его: «Дочка впервые увидела океан – эмоции зашкаливают». На видео Алиса бежит к воде, кричит, падает, смеётся. Но она не помнит, как это было на самом деле. Она помнит, как это выглядело на экране. Помнит, как мама переснимала сцену шесть раз, потому что в первый раз Алиса побежала не туда, во второй раз тень легла на лицо, в третий раз ветер испортил причёску.

Щенок? Есть видео: «Сюрприз для дочки – она плачет от счастья». На видео Алиса открывает коробку, видит золотистого ретривера, начинает плакать. Но она помнит, что перед этим мама сказала ей за кулисами: «Ты должна заплакать по-настоящему. Подумай о чём-нибудь грустном. Что тебя огорчает?» Алиса не могла придумать, что её огорчает, и тогда мама ущипнула её за руку. Плач получился настоящим.

Первый поцелуй? Мальчику было три года. Его звали Дима. Он был сыном другой блогерши. Мама поставила детей рядом и сказала: «Поцелуйте друг друга, это будет мило». Дима поцеловал Алису в щёчку. Видео собрало три миллиона просмотров. Заголовок: «Первая любовь или пиар? Вы решаете».

Алиса не написала сочинение.

Она сдала чистый лист с одной фразой внизу: «Я помню только то, что вы видели». Учительница поставила двойку и вызвала маму. Мама пришла, посмотрела на лист, улыбнулась и сказала учительнице:

– Это же гениально. Это она специально. Такой постмодернизм. Вы не понимаете, это же про разрыв шаблона.

Мама сфотографировала лист и выложила в инстаграм с подписью: «Моя девочка пишет лучше, чем любые взрослые писатели. Ждите её книгу через 10 лет». Подписчики поставили 120 тысяч лайков.

Алиса забрала лист и спрятала его под кровать, в щель между полом и плинтусом.

IV

В девять лет у Алисы случилась первая депрессия. Тогда это не называли депрессией. Мама назвала это «творческим кризисом» и сняла об этом серию из нескольких видео. «Как помочь ребёнку, когда ему грустно?», «Откровенно: моя дочь не хочет сниматься», «Честный разговор с психологом о детской апатии».

Психолога наняли на три часа. Он поговорил с Алисой, и она сказала ему: «Я не знаю, зачем я живу, если всё равно всё это покажут». Психолог записал это в блокнот и сказал матери: «У вашей дочери размыты границы между приватным и публичным. Ей нужно личное пространство».

Мама спросила:

– А сколько времени?

– Хотя бы час в день без камер.

Мама подумала и сказала:

– Это много. Мы потеряем охват.

Психолог ушёл, а мама выложила новое видео: «Психолог сказал, что с моей дочерью всё в порядке. Просто подростковый возраст наступает рано. Такие вот современные дети».

Алиса смотрела это видео из своей комнаты. Потом закрыла дверь, закрыла шторы и села в угол, где не было камер, потому что мама считала этот угол «неинтересным ракурсом».

В углу было темно и пыльно. Алиса просидела там три часа. Никто её не искал, потому что мама была занята монтажом. Комментаторы писали под свежим видео: «Какая же ты сильная мама», «Твоя дочь вырастет и скажет тебе спасибо», «Ты лучшая».

Алиса запомнила эти три часа. Это было первое воспоминание, которое никто не видел.

В десять лет Алиса попросила выключить камеру в ванной. Она готовилась к первому в жизни душу, который можно было бы назвать осознанным – не тем, где мама поливает её из лейки и приговаривает: «смотрите, какая кожа чистая, вот что значит правильная гигиена», а тем, где хочется побыть одной, потому что тело меняется, и это никого не касается.

– Мам, можно без камеры? – спросила Алиса, стоя перед дверью ванной.

Мама уже устанавливала штатив.

– Душ – это очень популярный формат, – сказала мама, не глядя на дочь. – ASMR, шум воды, натуральность. Ты не представляешь, сколько запросов на ванный контент.

– Я не хочу.

– Ты всегда не хочешь, – мама нажала кнопку записи. – А потом смотришь статистику и радуешься. Просто доверься мне.

Алиса стояла и смотрела на красную лампочку. Потом разделась, залезла под душ и заплакала. Камера записала всё. Комментаторы написали: «Она такая чувствительная, настоящая душа», «Почему она плачет? Мама, что случилось?», «Это нормально для её возраста, у меня дочка тоже плачет под душем».

Никто не знал, что Алиса плачет, потому что впервые в жизни она хотела спрятаться, а спрятаться было негде.

В одиннадцать лет Алиса ударила камеру. Это случилось на кухне. Мама снимала завтрак – овсянку с ягодами, идеально выложенную в розовую тарелку. Алиса сидела напротив,ковыряла ложкой кашу.

– Улыбнись, – сказала мама, не отрываясь от камеры. – Ты сейчас как будто не в духе.

– Я не в духе, – сказала Алиса.

– Улыбнись всё равно. Это работа.

Алиса встала, подошла к штативу, посмотрела в объектив – прямо, серьёзно, не моргая, как тогда, в три года, на горшке, и ударила камеру ладонью. Штатив упал, камера ударилась о пол, объектив треснул.

Мама завизжала.

– Ты что наделала?! Там же материал за полдня! Всё пропало!

Она схватила камеру, проверила, работает ли запись. Работала. Последние кадры зафиксировали лицо Алисы – злое, красное, с мокрыми щеками. И голос матери, который кричал не «ты как?», а «ты испортила оборудование».

Алиса вышла из кухни. Села в угол – тот самый, пыльный, без камер. У неё тряслись руки, она сжала их в кулаки и подумала: «В следующий раз я разобью не камеру».

В двенадцать лет Алиса получила телефон, с доступом в интернет и без родительского контроля.

Мама долго сопротивлялась, но аудитория требовала: «Дайте ей свой канал, она уже взрослая», «Алиса, открывай инстаграм, мы хотим видеть твою жизнь без мамы», «Мама, не будь тираншей».

Мама сдалась, но на своих условиях.

– Ты можешь вести свой блог, – сказала она. – Но мы подпишем договор. Я буду твоим менеджером. 70% доходов мне, 30% тебе. Рекламу обсуждаем вместе, контент проходит модерацию у меня. Алиса согласилась. Не потому, что хотела денег, а потому, что хотела свой голос.

Она создала канал: «Алиса. Не мама». Первое видео – 40 секунд. Она сидит на кровати без макияжа, в старой футболке, и говорит:

– Привет. Это я. Без мамы, без сценария. Я просто хочу, чтобы вы знали: я не всегда улыбаюсь. Спасибо.

Видео набрало миллион просмотров за три часа. Комментарии: «Наконец-то настоящая», «Ты лучше мамы», «Почему ты такая грустная? Улыбнись».

Второе видео Алиса сняла через день. Она сидела в углу – в том самом, пыльном. И ничего не говорила. Просто смотрела в камеру три минуты. Молча. Без улыбки.

Третье видео она сняла через неделю. Она стояла перед зеркалом и смотрела на себя. И говорила:

– Я иногда не понимаю, кто это.

Видео заблокировали через час. Причина: «Потенциальный вред для несовершеннолетней».

Мама сказала:

– Я же говорила. Надо согласовывать контент.

Алиса не ответила.

Она легла на кровать, закрыла глаза и представила, что камер нет. Во всём доме, во всём мире, ни одной. Она не могла этого представить, потому что мир без камер был для неё таким же невозможным, как мир без воздуха.

В тринадцать лет мама подписала с Алисой официальный контракт. Это был юридический документ на четырёх листах с печатью. В нём говорилось, что Алиса обязуется сниматься не менее шести часов в день, не менее пяти дней в неделю, не считая выходных, которые могут быть использованы для съёмок «спонтанного формата».

Алиса прочитала контракт. Она понимала слова, но не понимала, что делать.

– Ты должна подписать, – сказала мама. – Это защищает нас обеих. Если ты решишь уйти, я смогу подать в суд на возмещение убытков, а если я решу тебя бросить, ты сможешь подать на меня. Честная сделка.

– Я не хочу подавать на тебя в суд, – сказала Алиса.

– И я не хочу. Поэтому подпиши.

Алиса подписала. Ей было тринадцать. Подпись ничего не значила по закону, но ни она, ни мама этого не знали, или знали, но делали вид.

В тот же день мама выложила видео «Моя дочь стала моим партнёром. Подписали контракт». Алиса сидела рядом, сжимала ручку и улыбалась той самой улыбкой – которая принадлежала не ей, а камере.

Вечером она спрятала копию контракта под кровать, в щель между полом и плинтусом. Рядом с чистым листом, на котором было написано: «Я помню только то, что вы видели».

Там уже лежали пять записок. Шестая появилась сегодня: «Они заставили меня подписать себя. Теперь я не человек, я договор».

V

В четырнадцать лет Алиса впервые поцеловала мальчика не для камеры. Его звали Лёша. Он учился в параллельном классе. У него не было аккаунтов в соцсетях – ни одного. Он сказал Алисе, что это «бесполезная трата времени». Алиса сначала не поняла. Она проверила, но Лёши действительно не было нигде. Ни в тик-токе, ни в вк, ни в телеграме. Он существовал только в реальности.

Это показалось Алисе самым удивительным, что она видела в жизни. Они встретились за школой, за гаражами, где не было камер. Лёша курил и спросил:

– Ты та, которая в интернете?

– Я везде, – ответила Алиса.

– А здесь ты?

– Не знаю.

Он посмотрел на неё обычными глазами. Не через объектив, не через комментарии, не через статистику просмотров.

– Ты красивая, – сказал он. – Не как в видео, а по-настоящему.

Алиса заплакала, а Лёша испугался.

– Ты чего? Я что-то не то сказал?

– Всё то, – сказала Алиса. – Слишком то.

Она поцеловала его. Это было неловко, зубы стукнулись, Лёша пах табаком и потом, а вокруг пахло бензином и ржавчиной.

Никакой камеры, никакой красной лампочки, никаких комментариев – только этот миг, который никогда не попадет в интернет. Алиса запомнила его навсегда. Это было второе воспоминание, которое никто не видел.

Через неделю Лёша бросил Алису.

– Ты странная, – сказал он. – Ты постоянно оглядываешься. Как будто ждёшь, что кто-то смотрит.

– Они смотрят, – сказала Алиса.

– Кто?

– Все.

Лёша пожал плечами и ушёл. Алиса стояла за гаражами одна, она подняла голову и увидела камеру наблюдения на столбе. Она смотрела прямо на неё: маленькая, серая, с красной лампочкой. Красный свет – значит запись. Алиса помахала рукой. Не потому, что хотела, а потому, что привыкла.

В пятнадцать лет Алиса узнала о контракте всё. Маме позвонил юрист – специалист по медиаправу. Он сказал:

– Ваш контракт с дочерью ничтожен. Она подписала его в тринадцать лет без согласия органов опеки. Вы не имеете права требовать от неё съёмки, и она может уйти в любой момент.

Мама побледнела.

– Но она же согласилась, – прошептала мама.

– Ребёнок не может согласиться на эксплуатацию, – ответил юрист. – Это закон.

Мама положила трубку, посидела три минуты, потом позвала Алису.

– Ты знала? – спросила мама.

– Что?

– Что контракт ничего не значит.

– Нет, – сказала Алиса. – Но догадывалась.

Мама заплакала. Впервые в жизни не для камеры. По-настоящему, без сценария, без режиссуры.

– Всё, что я делала, – сказала мама, – я делала для тебя, для нашего будущего, для нашей семьи.

– Ты делала это для просмотров, – сказала Алиса.

– Это одно и то же!

– Нет, – Алиса покачала головой. – Это никогда не было одним и тем же.

Мама подняла глаза, красные, опухшие, и вдруг злые.

– Ты думаешь, если ты уйдёшь, ты будешь счастлива? – спросила мама. – Ты не умеешь жить без камеры. Я тебя вырастила, и ты не знаешь, кто ты без лайков. Ты – ничто. Просто девочка, которой нечего сказать, если никто не слушает.

Алиса хотела ответить, но не нашла слов, потому что мама была права.

В шестнадцать лет у Алисы случился нервный срыв. Это случилось во время прямого эфира. Обычный четверг, вечерний стрим: «Отвечаю на вопросы». Алиса сидела в своей комнате, перед камерой, улыбалась. Комментарии летели: «Как дела в школе?», «Кто твой парень?», «Почему ты похудела?», «Ты красивая», «Ты страшная», «Ты молодец», «Ты позорище».

Всё смешалось, Алиса перестала различать лица – только текст, только буквы, только они – сотни, тысячи, десятки тысяч букв – летели на неё, как мошकारа.

Она хотела выключить камеру, но мама стояла за дверью. Не потому, что мама была там на самом деле. Мама уехала на встречу с рекламодателями, но в голове Алисы она стояла за дверью всегда, смотрела, оценивала, считала просмотры.

Алиса не выключила камеру, она просто продолжила улыбаться. Через сорок минут эфир закончился. Алиса закрыла ноутбук, легла на пол и посмотрела в потолок. На потолке была камера. Мама установила её две недели назад. «Для безопасности», – сказала мама, – «Мало ли, случится что».

Красная лампочка горела.

Алиса просто лежала и смотрела в объектив пустыми глазами, пока запись не закончилась через три часа. Мама смонтировала эти три часа в трёхминутный ролик: «Устала, но держится. Моя сильная девочка». Ролик набрал пять миллионов просмотров.

В семнадцать лет Алиса начала писать на бумаге. Обычными ручками в обычных тетрадях. Она писала то, что никогда не скажет вслух, то, что нельзя снять.

Она писала о том, как ненавидит свою улыбку. Потому что эта улыбка – не её. Её настоящая улыбка – та, которая появляется, когда она одна, когда никто не смотрит, но никто никогда не видел эту улыбку. Даже она сама видела её только в отражении тёмного экрана выключенного телефона.

Она писала о том, что её настоящее имя – не Алиса. Алису выбрали подписчики в опросе. Голосовали три дня: 47% за «Алису», 32% за «Софию», 21% за «Мию». Мама сказала: «Победила Алиса, поздравьте нас».

Она писала о том, что ни разу не слышала, как её называет мама без камеры, потому что мама всегда говорит в объектив, даже когда камера выключена. Даже когда они одни в комнате мама смотрит в ту сторону, где обычно стоит штатив, и говорит туда, привычка.

Она писала о том, что в зеркале видит не себя, а персонажа. Которого придумали сто тысяч человек. Которого одевают, кормят, заставляют улыбаться. И этот персонаж заслонил собой ту девочку, которая когда-то хотела просто сидеть в углу и смотреть на пыль.

Она написала 37 страниц, и спрятала под кровать. Спустя время, там уже не помещалось. Пришлось вынуть всё: 37 страниц, 15 записок, копия контракта, чистый лист с фразой «Я помню только то, что вы не видели».

Алиса собрала всё это в коробку из-под обуви, и засунула коробку в шкаф, за старыми вещами. Она поклялась себе: в день, когда ей исполнится восемнадцать, она прочитает всё это, и решит, кто она.

VI

Восемнадцать лет. Алиса проснулась в шесть утра. В комнате было темно, шторы закрыты. Камеры – две стационарных, одна на штативе – смотрели на неё тремя красными глазами.

Она встала, подошла к первой камере – выключила. Подошла ко второй – выключила. Подошла к третьей – выключила. Красный свет погас.

В комнате стало тихо. Так тихо, что Алиса слышала, как бьётся её сердце. Оно билось часто и громко, как будто боялось чего-то.

– Это всего лишь тишина, – сказала Алиса вслух.

И испугалась собственного голоса. Потому что голос звучал странно – не как в видео, не как после обработки, а просто голос, её голос.

Она вышла в коридор, на кухне горел свет. Мама стояла у плиты и варила кофе.

Мама обернулась, посмотрела на Алису обычным взглядом.

– С днём рождения, – сказала мама.

– Спасибо, – сказала Алиса.

Они помолчали пару минут.

– Я выключаю камеры, – сказала Алиса. – Насовсем.

Мама поставила кружку на стол слишком резко, кофе расплескался.

– Ты не можешь, – сказала мама.

– Могу. Мне восемнадцать.

– Контракт.

– Контракт ничтожен. Ты знаешь, я знаю.

Мама подошла к Алисе. Встала близко. Так близко, что Алиса чувствовала запах её духов – ваниль и апельсин, тот же самый, с самого детства.

– Ты думаешь, это игра? – спросила мама. – Ты думаешь, если ты выключишь камеры, всё исчезнет? Двести тысяч человек проснутся и скажут: «О, Алиса устала, ну и ладно»? Нет. Они спросят, где ты. Они придут сюда. Они будут писать, звонить, стучать в дверь. Они купили тебя, Алиса. Каждый лайк – это билет. Каждый подписчик – это акционер. Ты не имеешь права закрыть компанию, потому что тебе надоело.

– Я имею право, – сказала Алиса. – Я человек.

– Ты блогер, – сказала мама. – Это не профессия – это судьба.

Алиса молчала тридцать секунд. Потом достала телефон, открыла свой канал и нажала «Настройки»: «Удалить аккаунт».

Высветилось предупреждение: «Вы уверены? Это действие необратимо. Все ваши данные, фото, видео и подписчики будут удалены навсегда».

– Мама, – сказала Алиса. – Последний раз.

Мама смотрела на экран. На её лице мелькнуло что-то – страх, гнев, облегчение, надежда, отчаяние. Всё сразу.

– Не делай этого, – прошептала мама.

– Почему?

– Потому что тогда я останусь одна.

Алиса посмотрела на маму. Впервые в жизни она увидела не продюсера, не менеджера, не блогершу с двумя миллионами подписчиков. Она увидела женщину, которой страшно, которая не знает, кто она без камер.

– Ты не одна, – сказала Алиса. – Ты просто никогда не пробовала быть без неё.

Она нажала «Удалить». Экран погас. Аккаунт с 1,2 миллионами подписчиков, с 847 видео, с восемнадцатью годами жизни исчез за секунду. Алиса положила телефон на стол.

– Теперь я никто, – сказала она.

– Ты Алиса, – ответила мама.

– Нет. Алису выбрали подписчики. А я не знаю, как меня зовут.

Она развернулась и ушла в свою комнату, села на пол в тот самый пыльный угол. Камеры молчали. Красная лампочка не горела – тишина.

И в этой тишине Алиса впервые за восемнадцать лет услышала, как она дышит, как воздух входит в лёгкие, как он выходит, как сердце стучит – просто для неё одной.

Она заплакала от удивления. Потому что оказалось, что тишина не пустая. Тишина полна звуков, которые камера никогда не записывала.

Из записок, спрятанных в коробке:

«Я пишу это на клочке бумаги, потому что, если я напишу это в телефоне, кто-то прочитает. Даже удалённое можно восстановить. Даже в архивах остаётся след, а бумагу можно сжечь, или съесть. Или спрятать так, что никто не найдёт. Я хочу, чтобы один человек – я через десять лет – прочитал это и вспомнил, каково это: быть никем, без камер, без имени, без лайков. Это страшно, но это настоящее. Я никогда не была настоящей. Сегодня – первый день».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.